

DOI: [10.14515/monitoring.2026.3.3228](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3228)

Ю. Н. Гусева, С. А. Рагозина

**СНЕЖНЫЕ БАБЫ ПРОТИВ ПОСТСЕКУЛЯРНОСТИ:
СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС О СТРОИТЕЛЬСТВЕ МЕЧЕТЕЙ
В РОССИИ (КЕЙС ПЕРМСКОГО КРАЯ)**

Правильная ссылка на статью:

Гусева Ю. Н., Рагозина С. А. Снежные бабы против постсекулярности: современный дискурс о строительстве мечетей в России (кейс Пермского края) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 3. С. 71—92. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3228>.

For citation:

Guseva Y. N., Ragozina S. A. (2026) Snow-Women Versus Post-Secularism: Contemporary Discourse on Mosque Construction in Russia (A Case Study of the Perm Region). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 71–92. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3228>. (In Russ.)

Получено: 06.12.2025. Принято к публикации: 06.04.2026.

СНЕЖНЫЕ БАБЫ ПРОТИВ ПОСТСЕКУЛЯРНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС О СТРОИТЕЛЬСТВЕ МЕЧЕТЕЙ В РОССИИ (КЕЙС ПЕРМСКОГО КРАЯ)

ГУСЕВА Юлия Николаевна — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: j.guseva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5731-7274>

РАГОЗИНА Софья Андреевна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

E-MAIL: sofyaragozina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2732-0226>

SNOW-WOMEN VERSUS POST-SECULARISM: CONTEMPORARY DISCOURSE ON MOSQUE CONSTRUCTION IN RUSSIA (A CASE STUDY OF THE PERM REGION)

Yulia N. GUSEVA¹ — Dr. Sci. (Hist.), Professor
E-MAIL: j.guseva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5731-7274>

Sofya A. RAGOZINA² — Cand. Sci. (Polit.), Senior Researcher

E-MAIL: sofyaragozina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2732-0226>

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

² Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье исследуется репертуар антимигрантских и антимусульманских фреймов, используемых противниками строительства мечетей в современной России. Предметом изучения являются механизмы формирования и распространения соответствующих нарративов в медиа- и офлайн-пространстве на примере конфликта вокруг строительства мечети в микрорайоне Верхняя Курья (Пермь). Методологической основой работы выступает интеракционистская традиция фрейм-анализа, которая дополнена концептами «доместикации» и «секьюритизации» ислама в трактовке Т. Суниер и Дж. Чезари, что позволяет изучить, как подобный активизм влияет на бытование «постсекулярного» ислама в российском обществе. С использованием методов медиаметрического анализа и контент-анализа были рассмотрены материалы телеграм-канала «Верхняя Курья против постройки мигрантской мечети», региональной прессы и визуальные источники (фото- и видеоматериалы). Проведенный анализ позволил выделить несколько

Abstract. This article examines the repertoire of anti-migrant and anti-Muslim frames used by opponents of mosque construction in contemporary Russia. The study focuses on the mechanisms of formation and dissemination of these narratives in the media and offline spaces, using the conflict surrounding the construction of a mosque in the Verkhnyaya Kurya microdistrict of Perm as an example. The methodological basis of the study is the interactionist tradition of frame analysis, which is supplemented by the concepts of “domestication” and “securitization” of Islam as interpreted by T. Sunier and G. Cesari, which allows the authors to study how such activism influences the existence of “post-secular” Islam in modern Russian society. Using media-metric and content analysis methods, the authors examine materials from the Telegram channel “Verkhnyaya Kurya against the construction of a migrant mosque,” regional press, and visual sources (photo and video materials). The analysis revealed several key foundations for protest mobilization, namely: arguments against territorial development, anti-migrant

ключевых оснований протестной мобилизации: аргументы против территориального развития, антимигрантские утверждения и критика сложившегося социального порядка. Показано, что антимечетские, антимигрантские и антимусульманские фреймы тесно переплетены между собой и формируют единое пространство интерпретации конфликта. Выявлены различные стратегии разграничения «хорошего» и «плохого» ислама, в рамках которых мигранты и радикалы противопоставляются «традиционному» исламу. Установлено, что данные нарративы активно циркулируют между онлайн- и офлайн-пространствами и конвертируются в различные формы публичного активизма. По мере развития конфликта первоначально антимусульманская повестка выходит за рамки религиозной проблематики и затрагивает более широкий комплекс социальных порядков. Кейс Верхней Курьи демонстрирует амбивалентность постсекулярной трансформации публичной сферы в современной России. С одной стороны, мусульмане становятся заметными участниками публичного пространства, с другой — протестная мобилизация способствует усилению его поляризации, актуализируя вопросы границ инклюзивности.

Ключевые слова: мигранты, антимигрантские настроения, антиисламские настроения, онлайн-активизм, ислам в публичном пространстве, исламофобия, гражданский протест, постсекулярность

assertions, and criticism of the established social order. Anti-mosque, anti-migrant, and anti-Muslim frames are closely intertwined and form a unified space for interpreting the conflict. Various strategies for distinguishing between "good" and "bad" Islam are identified, in which migrants and radicals are contrasted with "traditional" Islam. It is established that these narratives actively circulate between online and offline spaces and are converted into various forms of public activism. As the conflict develops, the initially anti-Muslim agenda expands beyond religious issues and touches on a broader set of social orders. The case of Verkhnyaya Kurya demonstrates the ambivalence of the post-secular transformation of the public sphere in contemporary Russia. On the one hand, Muslims are becoming visible participants in the public sphere; on the other, protest mobilization contributes to increased polarization, actualizing questions about the limits of inclusivity.

Keywords: migrants, anti-migrant sentiment, anti-Islamic sentiment, online activism, Islam in public space, Islamophobia, civil protest, post-secularity

В начале февраля 2025 г. российский сегмент соцсетей наполнился необычными фото- и видеоматериалами «протеста снежных баб против строительства мечети». Противники строительства мечети в Верхней Курье — одном из микрорайонов Перми — слепили на земельном участке, предназначенном для застройки, снежных баб. Сначала они были наряжены в русские национальные платки, затем «перодееты» в никабы. Снеговики держали в «руках» таблички весьма специфического

содержания¹. Иронично-ужасающий смысл акции ее организаторами был сформулирован так: «Нам, женщинам Верхней Курьи, мигранты со своей мечетью не нужны, но поговаривают, что кто-то их все-таки ждет». «Ждунами» оказались снежные бабы, готовые принять новую реальность — «мигрантскую мечеть» и ее посетителей.

Фотографии и видео акции появились в Telegram-канале «Верхняя Курья против постройки мигрантской мечети», который освещает деятельность группы местных жителей, выступающих против строительства культового здания, а затем разошлись по страницам СМИ и социальных медиа.

Жители Верхней Курьи выступают против строительства мечети с мая 2024 г.² Они выражают свою позицию, в целом оставаясь в поле публичной политики, границы которой очерчены российским законодательством и правоконсервативным общественно-политическим дискурсом в отношении мигрантов-мусульман и ислама в целом. Следует особо оговорить, что авторы статьи не ставят своей задачей критический разбор аргументов противников и сторонников строительства и тем более не занимают чью-либо сторону в конфликте. Нас интересует исключительно оформление и содержание дискурсивных практик.

С нашей точки зрения, данный кейс весьма информативен, и его обсуждение вносит существенный вклад в дискуссию о постсекулярной трансформации публичной сферы российского общества, показывая ее амбивалентность. Мусульмане, оказавшись в публичном пространстве, становятся неотъемлемой частью постсекулярного проекта как такого. Тезис о «видимости» и «деприватизации» религии в публичном пространстве — один из фундаментальных в постсекулярной теории. Религия выходит за рамки частной сферы, бросая вызов идее о том, что модернизация по своей сути ведет к приватизации религии [Berger, 1999]. Этот процесс не только социальный, но и политический: например, Таяль Асад рассматривает современные «публичные», или «политические» религии, как ответ на потребность государства управлять религиозными различиями и регулировать поведение граждан. Отделение религии от политики и ее перевод в частную сферу — не естественный или необходимый результат модернизации, а скорее искусственно созданный процесс [Asad, 1999].

Тезис о деприватизации религии нередко используется в социогуманитарной сфере в нормативно-декларативном и ценностном ключе для обоснования связи между демократизацией и постсекулярностью. Развивается во многом утопическая установка Юргена Хабермаса о стремлении постсекулярного проекта к тотальной инклюзии, о диалогичности публичного пространства и, как следствие, демократизирующем эффекте продуктивной коммуникации. Хабермас стремится открыть публичную сферу для ислама, чтобы он мог вносить в нее значимый вклад. В постсекулярности он видит возможность для развития более толерантного образа ислама в публичной сфере [Хабермас, 2016].

¹ Самый «невинный» из призывов содержал предложение нарядить всех снежных баб в никабы. Остальные высказывания имели негативно-сексуализированный подтекст, отражавший резко отрицательное отношение к мигрантам и мусульманам в целом, к бракам местных женщин с мигрантами и пр. (к примеру, «горячность» мусульман противопоставлялась холодности снежных баб и пр.).

² Ввиду того, что материал готовился, когда конфликт находился в открытой фазе, представляется разумным воздержаться от публикации личных данных участников протестного движения. Отметим лишь, что среди них — люди разного возраста, пола и профессий, а лидером является женщина средних лет.

Такая установка проблематизируется деколониальной критикой секуляризма и секуляризма как идеологии. Для Чарльза Тейлора деколонизация секулярного — оспаривание западной секуляристской эпистемы [Тейлор, 2017]. Т. Асад, в свою очередь, ставит под вопрос идеологическую нейтральность концепции публичного пространства как такового. Он полагает, что религии в публичном дискурсе вынуждены приспосабливаться к условиям, созданным светским государством, которое требует от них подчинения, чтобы быть услышанными.

Случай «бунта снежных баб» свидетельствует о том, что популистская мобилизация на основе популистских лозунгов не только не способствует диалогу, а наоборот усиливает поляризацию публичного пространства. Инициированное как антимусульманское, сопротивление постсекуляризму по мере развития конфликта, как будет продемонстрировано ниже, затронуло целый комплекс социальных порядков. В то же время увеличился раскол по линии «хороший ислам — плохой ислам». Подробное рассмотрение данного кейса позволит выявить принципы формирования публичного пространства: кто задает границы дискурса и как он конвертируется в различные формы офлайн-активности в городском пространстве.

Цель нашей работы — изучить репертуар антимигрантского и антимусульманского аспекта политической риторики правоконсервативных активистов в современной России, механизмы его продвижения в медиа- и офлайн-пространствах, а также связь онлайн-и офлайн-активизма подобных сообществ. Для этого нам необходимо: (1) выяснить, какие именно стереотипы, фреймы и текущие общественно-политические процессы имеют значение для активистов — противников строительства мечетей; вписать их в более широкий общественно-политический, правовой контекст; (2) описать, как эти фреймы секьюритизации определяют типичные антимигрантские и антимечетские нарративы; (3) проанализировать сетевые и офлайн-механизмы их распространения, их перетекание из одного пространства в другое.

Ислам в публичном пространстве: к постановке проблемы

Катализатором изучения репрезентаций ислама в публичном пространстве на Западе стало формирование мигрантских сообществ из мусульманских стран, начавшееся в конце 1940-х годов в ФРГ. Однако настоящей точкой невозврата стали события 11 сентября 2001 г. Характерной особенностью значительной части исследований 2000-х и даже 2010-х годов стала устойчивая тенденция к установлению прямых или косвенных корреляций между исламом и явлениями, несущими негативную коннотацию.

Тиль Суниер обращает внимание на то, что повышенное внимание, которое после 11 сентября стало уделяться присутствию мусульман как несущему в себе риск для общества, привело к постепенному сужению фокуса исследований на управлении безопасностью, девиантном поведении, столкновении культур и государственной политике в части решения проблем транснациональных религиозных групп. Подобная концептуализация предмета изучения формирует специфическую оптику, через которую рассматривается мусульманское присутствие в публичной сфере. Примечательно, что данное искажение исследовательской перспективы характерно не только для массмедиа, где распространены упрощение и стереотипизация. Академическая среда, призванная обеспечивать критическую дистанцию и объективность анализа, зачастую воспроизводит аналогичные паттерны восприятия. Сказываются

и глобальные изменения политического ландшафта, связанные, например, с неоконсервативным поворотом и ростом спроса на правый популизм [Sunier, 2014: 1142].

В 2000-е годы появилась и противоположная тенденция, отвечающая ценностной парадигме постсекулярной теории, — «вернуть мусульман в царство простых людей» [Fernando, Fadil, 2015]. Работы по антропологии повседневности были призваны разрушить стереотипы, складывающиеся вокруг идей об имманентности радикализма и насилия в исламе, и показывали «нормальность» обычных мусульман.

В российском случае формирование общественных представлений об исламе определялось совершенно иными историческими вехами и травматическими событиями. Ключевыми факторами, повлиявшими на образ мусульманства в массовом сознании, стали советско-афганская военная кампания 1979—1989 гг., последующий распад Советского Союза в начале 1990-х годов и два вооруженных конфликта на территории Чеченской Республики. Именно эти исторические процессы заложили фундамент для современного дискурса об исламе в российском публичном пространстве [Рагозина, 2019].

Конструирование политизированного образа ислама в постсоветской России характеризуется внутренними противоречиями на уровне общественных дебатов и медийных репрезентаций. Двойственность проявляется в параллельном существовании конфликтующих нарративов и интерпретационных схем. С одной стороны, исторический контекст присутствия ислама на территории России делает его органичной составляющей медийного мейнстримного нарратива о межрелигиозном мире и согласии; в данном дискурсе активно используется стратегия избегания проблемных вопросов, на что в своем исследовании обращают внимание Владимир Малахов и Денис Летняков [Малахов, Летняков, 2018].

С другой стороны, коллективная историческая память российского общества об уже упомянутых конфликтах стимулирует настороженное, а порой и откровенно враждебное отношение, к исламской традиции. Нередко исследователи сосредотачиваются на изучении линий напряжения во взаимодействии государства и политического ислама, «мусульманских» регионов Российской Федерации (прежде всего Северного Кавказа) [Dannreuther, 2010].

Еще один катализатор инструментализации религиозной тематики различными политическими акторами — проблематика миграции. Современный российский критический дискурс об исламе уходит своими корнями в националистские движения начала 2000-х годов, регулярно обращавшихся к интимигрантской повестке [Радикальный русский национализм, 2009; Русский национализм, 2006]³. Однако именно негативные установки относительно ислама и мусульман нечасто становятся предметом исследования. На антиимигрантские нарративы, распространенные в российском публичном поле, обращают внимание Кристина Ковальская [Kovalskaya, 2017], Иешко Шмоллер, Марлен Ларюэль [Schmoller, Laruelle, 2025], Мустафа Тюна [Tuna, 2020], Сергей Абашин [Abashin, 2014] и другие авторы. Исследователи отмечают, что критика ислама вплетена в проблему сохранения и укрепления единства страны, связанную с поиском «русскости», а критический дискурс об исламе, в свою очередь, подпитывает растущие антиимигрантские на-

³ Материалы созданы и распространены российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента.

строения среди российского населения, рост русского этнического национализма [Verkhovski, 2006]. «Перед лицом растущего русского национализма и прогрессирующей официализации Русской православной церкви» [Laguette, Schmolle, 2021: 7] становится очевидной проблема обеспечения прав мусульман на свободу вероисповедания и сужения коридора возможностей для выражения их интересов.

В ситуации, когда идентичность и культура нередко стали выступать в качестве взаимозаменяемых понятий, люди с совершенно различными корнями были искусственно помещены под единый «бренд» исламской традиции. Кроме того, появилась новая культурная категория — мусульманские мигранты, а идея о том, что ислам является «объективно» чужеродной культурой, стала крайне востребованной. Ислам все чаще становился объяснительным фактором не только конкретного (коллективного) поведения мусульман, но и, в большей степени, всех видов социальных проблем, с которыми они сталкиваются. Такая исламизация дискурса нередко приводила к некому суженному осознанию: «когда человек хочет знать, что происходит в голове у мусульманина, он должен изучать ислам» [Sunier, 2005: 323]. В то время как более продуктивно будет рассматривать ситуацию в гораздо более широком социальном контексте.

На этом фоне у светских правительств становится востребованной политика выстраивания «правильного» (умеренного, лояльного) ислама и дискредитации «неправильного». В российском публичном дискурсе поляризация формируется вокруг полюсов «традиционного» (лояльного властям, «правильного») и «радикального» ислама. Одной из важнейших характеристик «неправильного ислама» является его внешний, «привнесенный» характер, не связанный с историей ислама на территории России. Интересно, что «неправильный» ислам также выступает своего рода лакмусовой бумажкой для обнаружения элементов мигрантофобии. Как показало исследование медийного пространства, эта проблема актуализируется посредством материалов в СМИ, посвященных Центральной Азии и Европе и становится маркером потенциальной или реальной угрозы со стороны мигрантов [Рагозина, 2019].

Можно ли в условиях такой двойственности российского публичного пространства в отношении ислама говорить об исламофобии? Скорее да, чем нет. Однако необходимо помнить, что концепция исламофобии разработана и продолжает разрабатываться прежде всего на западном материале в лоне постколониальных исследований и оттого зачастую оказывается перегружена леволиберальной повесткой. Концептуализация исламофобии именно как постколониальной категории позволяет акцентировать внимание на доминировании, контроле, несправедливом распределении символических ресурсов и угрозе мусульманской идентичности [Рагозина, 2020]. Тем не менее для описания российского публичного пространства также можно встретить термин «исламофобия», особенно когда речь идет о медиа [Степанянц, 2019; Мартыненко, Кечина, 2023]. Также к подобной постановке проблемы нередко приходят исследователи, проводящие локальные социологические исследования [Замараева, и др. 2016].

Источники исследования

Мы ориентируемся на интеракционистскую традицию фрейм-анализа. Основное внимание уделяется онлайн-контенту конкретной сети активистов, чтобы по-

нять, как антимечетские, антиисламские, антимигрантские фреймы, которые тесно переплетены между собой, конструируют публичное пространство.

Для решения поставленных задач мы провели медиаметрический и контент-анализ текстовых и визуальных материалов сетевого сообщества пермских активистов. Данными для исследования выступили материалы, размещенные в Telegram-канале «Верхняя Курья против постройки мигрантской мечети»⁴, а также публикации региональной прессы, визуальные источники: видеоматериалы, размещенные на YouTube-канале «Сокровенное-2»⁵, и фотографии, полученные в результате визита одного из авторов статьи в регион.

Наибольшее внимание уделено материалам Telegram-канала, который был создан 26 ноября 2024 г. и на момент подготовки статьи продолжает существовать⁶. На 1 октября 2025 г. количество его подписчиков составляло 5 154⁷. Ввиду политической нагруженности кейса мы анонимизировали данные (исключили личную информацию о конкретных активистах, не проводили идентификацию участников протестных акций на фотографиях и видео) и глубоко не исследовали социальный профиль участников инициативной группы, ограничившись общими замечаниями.

Поиск по ключевым словам, анализ реакций и медиаметрический анализ производились с помощью сервиса статистики и аналитики социальных сетей Popsters. Глубина анализа: с даты основания канала — 26 ноября 2024 г. до 1 октября 2025 г. За 310 дней существования канала было размещено 576 записей, в выборке оказалось 488 записей — оригинальные посты в Telegram-канале активистов.

Мы проанализировали полученный массив записей, включающих текстовые, фото- и видеоизображения. Отбор данных велся по ключевым словам⁸, чтобы успешно ответить на исследовательские вопросы, поставленные в рамках данного исследования.

На канале курьинцев также размещались перепосты с каналов, специализирующихся на мигрантской теме⁹. Они были изучены нами на предмет понимания общего контекста, пересечения нарративов.

⁴ О его назначении говорится так: «Здесь мы, жители поселка Верхняя Курья в Пермском крае, рассказываем о нашей борьбе против постройки у нас бандитско-мигрантской мечети».

⁵ Несколько видео в поддержку верхнекурьинцев опубликовано на YouTube-канале «Сокровенное-2».

⁶ Группа в социальной сети «ВКонтакте» «Верхняя Курья ПРОТИВ мигрантской мечети», в которой изначально проходило обсуждение, 30 ноября 2024 г. была заблокирована по требованию Роскомнадзора РФ. В начале декабря 2024 г. появилась новая группа в социальной сети «ВКонтакте» — «Верхняя Курья против мигрантской мечети-2», — но в январе 2025 г. она также была заблокирована надзорным ведомством. Отметим, что активистам приходилось действовать фактически в условиях информационной блокады со стороны региональных СМИ, поэтому они признают особую значимость Telegram-канала для достижения своих целей: «...без Телеграма не удалось бы отстоять Верхнюю Курью и отменить там стройку огромной арабской мечети... Верхняя Курья из-за блокировок ВКонтакте ушла в Телеграм...» (сообщение от 12.02.2026).

⁷ Для сравнения: по состоянию на 18 марта 2025 года канал насчитывал 4 145 подписчиков, в нем было размещено 86 фото, 48 видео, 2 файла. Таким образом, аудитория канала постепенно расширяется.

⁸ «Радикалы / радикализм / радикальный»; «угроза / угрожающий / угрожать»; «мигрант(ы)», «миграция», «мечеть / мечети», «анклавы», «мигрантская мечеть» и их производные.

⁹ Сошенко А. В. Жители Верхней Курьи в недоумении и разочаровании... // Русская народная линия. 2025. 22 января. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2025/01/22/zhiteli_verhnei_kuri_v_nedoumenii_i_razocharovanii (дата обращения: 06.12.2025); Степанов А. Д. Призываем отказаться от авантюрных планов строительства мечети в Верхней Курье // Русская народная линия. 2025. 6 февраля. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2025/02/06/prizyvaem_otkazatsya_ot_avanturnyh_planov_stroitelstva_mecheti_v_verhnei_kure (дата обращения: 06.12.2025); Егоров В. Чиновники готовят русский бунт? В Перми власти встали на сторону диаспоры, местные не стерпели // Царьград. 2025. 12 марта. URL: https://tsargrad.tv/articles/chinovniki-gotovjat-russkij-bunt-v-permi-vlasti-vstali-na-storonu-diaspory-mestnye-nersterpeili_1182740 (дата обращения: 06.12.2025).

Для понимания взаимосвязи онлайн- и офлайн-активностей и презентации публичной позиции протестующих мы изучали не только текстовые, но и визуальные элементы (авторские картинки, фото- и видеоматериалы, графические надписи). В августе 2024 г. один из авторов статьи произвел невключенное наблюдение на местности — изучил место потенциальной застройки. Была произведена фотофиксация надписей на ограждениях протестного содержания, получено представление об инфраструктуре микрорайона, о связанности городских территорий между собой.

Для описания локального контекста использовались материалы официальной статистики (Управления Росстата по Пермскому краю) и данные журналистских расследований¹⁰.

Кроме того, были проанализированы общие правовые рамки действующего российского законодательства, определяющие возможности для возведения культовых сооружений.

Прежде чем перейти к обзору пермского кейса, отметим, что протесты против строительства мечетей в России¹¹ не эксклюзивны: напротив, они вполне вписываются в общемировой тренд. К примеру, в США еще с 1980-х годов фиксируются случаи противодействия строительству и расширению мечетей и исламских центров, включая поджоги, вандализм, взломы и иные акты ненависти¹².

Данные о конфликтах вокруг строительства мусульманских культовых сооружений в России приводятся в отдельных журналистских публикациях¹³, но, увы, слабо систематизированы и осмыслены [Malji, 2021]. Академические исследования, которые бы давали представление о текущих процессах в данной сфере, авторам статьи неизвестны.

Проблема нехватки мечетей, особенно в крупных агломерациях, по мнению общественных лидеров, говорящих от лица мусульман, весьма остро стоит на повестке дня¹⁴. В то же время это довольно болезненный вопрос, так как в общественном дискурсе вопрос строительства мечетей рассматривается не через призму

¹⁰ Паньков Д. Сын пермского бизнесмена может построить мечеть в Верхней Курье // Эхо. Пермь. Ру. 2024. 14 мая. URL: <https://echoperm.ru/news/261/175415/> (дата обращения: 17.02.2026); Фридрихсон Н. По ком звучал азан в Пермском крае // Репортеры. 2026. 9 февраля. URL: <https://reporters.live/publication/po-kom-zvuchal-azan-v-permskom-krae> (дата обращения: 10.02.2026); Фридрихсон Н., Обищенко С. Все решили без них. Но они не остановились // Репортеры. 2026. 10 февраля. URL: <https://reporters.live/publication/vse-reslili-bez-nih-no-oni-ne-ostanovilis/> (дата обращения: 11.02.2026) и др.

¹¹ Среди них: выступления против постройки мечетей в Москве (2005, 2010—2012, 2023), Калининграде (2010—2013), Североуральске (2018), Саратове (2020), подмосковном Ступино (2021), Хабаровске (2024) и др.

¹² См. количественный и качественный анализ и рекомендации по преодолению таких явлений в США на материалах Института социальной политики и понимания 2022 г. [Yates, Mahmood, 2022].

¹³ Мальцев В. «Они сделали это против мечети»: хроника протестов в России (1994—2018 годы) // Завтра.ру. 2019. 27 сентября. URL: [https://zavtra.ru/blogs/oni_sdelali_eto_protiv_mecheti_hronika_protstov_v_rossii_\(1994_2018_godi\)](https://zavtra.ru/blogs/oni_sdelali_eto_protiv_mecheti_hronika_protstov_v_rossii_(1994_2018_godi)) (дата обращения: 06.12.2025); Fagan G. Russia: No more Mosques outside «Muslim Areas»? // Forum 18. 2012. October 3. URL: https://www.forum18.org/archive.php?article_id=1750 (дата обращения: 06.12.2025); Cole B. Moscow Mosque Plan Pits Putin Allies Against Each Other. Newsweek. 2023. April 22. URL: <https://www.newsweek.com/moscow-mosque-russia-muslim-ukraine-putin-rivals-1795762> (дата обращения: 06.12.2025), а также раздел «Проблемы реализации свободы совести» на сайте Исследовательского центра «Сова» (внесен Минюстом России в реестр иностранных агентов).

¹⁴ См, например, многочисленные заявления российских муфтиев на эту тему: Муфтий Гайнутдин указал на нехватку мечетей в городах-миллионниках РФ // ТАСС. 2023. 10 октября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19116629> (дата обращения: 23.06.2026).

реализации конституционного принципа свободы вероисповедания¹⁵ и средства против появления «мусульманских гетто» вокруг единичных мечетей, а как расширение влияния «опасных», «других» мусульман, под которыми имеются в виду приезжие из стран Центральной Азии.

В постсоветский период, особенно в последнее десятилетие, вопрос о возведении новых культовых сооружений в регионах, которые не относятся к символическому пространству мусульманских ареалов России (Республика Татарстан, Республика Башкортостан, ряд республик Северного Кавказа)¹⁶, является одним из наиболее проблемных и политически нагруженных. Многочисленные случаи сопротивления этим процессам в разных регионах страны на уровне выделения земельного участка, сноса уже построенных, но не узаконенных мечетей, противостояния различных групп интересов не уходят из медийного поля¹⁷.

История пермского конфликта: общие замечания

Пермский край исторически развивался как многонациональное, многоконфессиональное пространство. Сегодня в регионе русскоязычное большинство (более 82 % населения) мирно сосуществует с татаро-башкирским сообществом (около 6 %), коми-пермяками (3,7 %) и представителями других народов¹⁸.

В последние годы численность и сельского, и городского населения региона неуклонно снижается¹⁹. Это лишь отчасти компенсируется миграцией²⁰ из мусульманских регионов Северного Кавказа (дагестанцев, чеченцев и пр.), Закавказья (азербайджанцев), стран Центральной Азии (с начала 2020-х годов лидер-

¹⁵ Говоря о законодательных возможностях для строительства культовых сооружений, отметим, что они весьма широки. Согласно пт. 1 ст. 16 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозные организации вправе основывать и содержать культовые здания и сооружения, иные места и объекты, специально предназначенные для богослужений, молитвенных и религиозных собраний. Следуя формальным требованиям российского законодательства, инициировать строительство могут только зарегистрированные государством религиозные общины (в форме местных религиозных организаций и централизованных религиозных объединений).

Религиозная организация должна согласовать строительство с местными властями, что подразумевает получение земельного участка и одобрение проекта постройки с участием экспертов и общественности в формате общественных слушаний. Земля под территорией застройки должна соответствовать двум основным критериям. Во-первых, участок должен иметь определенный вид разрешенного использования (ВРИ) – «Религиозное использование» (подкатегории – «Осуществление религиозных обрядов» и «Религиозное управление и образование»). Во-вторых, на региональном и муниципальном уровне оговариваются размеры земельного участка для религиозных объектов. После этого инициативная группа религиозной организации должна подать заявку на получение разрешения на строительство в региональные органы исполнительной власти. В рамках процедуры получения разрешения на строительство культового сооружения организация также должна иметь договоры с проектными и строительными организациями, обеспечить финансирование строительства.

¹⁶ «Российское культурно-символическое пространство поделено на православную и мусульманскую зоны влияния, между хозяевами дискурса заключен негласный пакт о невмешательстве в дела друг друга», — отмечают исследователи [Малахов, Летняков, 2018: 268].

¹⁷ См., например, материалы правозащитного центра «Сова» (признан Минюстом России иноагентом), который публикует ежегодные отчеты, содержащие информацию об антимигрантских, антимусульманских, антимечетских выступлениях.

¹⁸ Подсчитано авторами по материалам Всероссийской переписи 2020 года. URL: <https://59.rosstat.gov.ru/folder/200657> (дата обращения: 30.01.2026).

¹⁹ По данным Управления Росстата по Пермскому краю, в 2025 г. в регионе проживало 2 483 600 человек.

²⁰ Для края в 2020-е годы характерно отрицательное сальдо миграционного прироста: регион недостаточно привлекателен для внешней и внутренней миграции.

ство здесь принадлежит Таджикистану)²¹. Бизнес-круги региона заинтересованы в притоке рабочих рук в сферу строительства, услуг, промышленное производство.

Перемещавшееся волнами в средневековые и новое время татарское и башкирское население имеет глубокие культурно-исторические связи с историей края, хорошо интегрировано и воспринимается как неотъемлемая часть культурного ландшафта края. Именно татары, к которым пермяки относятся как к автохтонам, проживают в интересующем нас микрорайоне Верхняя Курья, однако численность их невелика (по оценкам активистов, они составляют около 1 %).

По состоянию на 1 февраля 2026 г. в крае зарегистрированы 103 мусульманские религиозные организации, подавляющее большинство которых имеют мечети и объединены Региональным Духовным управлением мусульман Пермского края (далее — РДУМ Пермского края) в составе Центрального духовного управления мусульман России. Менее 10 % организаций входят в состав Духовного управления мусульман Пермского края (Пермский мухтасибат) в структуре Духовного управления мусульман Российской Федерации²².

Итак, локальная умма как совокупность верующих мусульман региона не представляет собой единого организационного целого. Отношения муфтиятов носят внешне нейтральный характер, однако весьма симптоматично, что Пермский мухтасибат публично не поддержал инициативу строительства мечети в Курье.

Дискретность локальной уммы еще больше усилилась на фоне проникающих в край современных миграционных потоков. К сожалению, не имеется актуальных исследований, которые бы характеризовали отношения между татаро-башкирами и их единоверцами из других регионов и стран СНГ. Определенно можно сказать, что прибывающие в последние годы мигранты, преимущественно мусульмане, как и в других регионах страны, концентрируются вокруг торговых пространств (Центрального рынка, рынка «Заостровка»), промышленных зон, часто удаленных от центра города. Верхняя Курья ввиду отсутствия торговых, логистических зон и промышленных предприятий не привлекает их как место жительства.

Микрорайон Верхняя Курья Мотовилихинского района Перми расположен в сосновом бору, на правом берегу реки Камы, в 20 минутах езды на машине от центра города Перми. Ввиду близости к центру города и выгодного расположения в лесном массиве микрорайон считается привлекательным местом для проживания. Стоимость жилья в микрорайоне относительно других районов города высока, но нет оснований считать Верхнюю Курью элитарным, закрытым поселком: здесь живут люди разного материального достатка. Основная масса домов — коттеджи и частные дома²³.

²¹ О ходе миграционных процессов в Пермском крае в первом квартале 2023 года. URL: <https://59.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/0%20ходе%20миграционных%20процессов%20в%20Пермском%20крае%20в%20первом%20квартале%202023%20года.htm> (дата обращения: 30.01.2026).

²² РДУМ Пермского края и Пермский мухтасибат входят в состав общероссийских централизованных религиозных организаций (Центральное духовное управление мусульман России и Духовное управление мусульман Российской Федерации), которые конкурируют между собой.

²³ Официальных сведений о количестве жителей в микрорайоне не имеется, по приблизительным оценкам здесь проживает 5—6 тыс. человек. Среди прочих районов Перми Мотовилихинский район отличается самой большой площадью микрорайонов с частной застройкой (более 8700 объектов ИЖС), которая продолжает увеличиваться — район лидирует по строительству индивидуального жилья.

Верхняя Курья соединяется с городом единственным мостом, что создает серьезные затруднения для перемещения местных жителей. В настоящее время микрорайон застраивается несколькими многоквартирными жилищными комплексами, что может усугубить уже имеющиеся проблемы коммунального хозяйства, социальной и транспортной инфраструктуры.

В советское время здесь размещались такие культурные и социальные объекты, как кинотеатр, детский санаторий, дом отдыха и пр. Сегодня в распоряжении жителей только небольшой детский сад 1939 г. постройки, средняя школа, лечебно-оздоровительный санаторий и геронтологический центр, работают несколько магазинов, кофейня, пиццерия.

В 1990 г. в Верхней Курье была построена церковь в честь иконы Божией матери «Скоропослушница», а с 2004 г. действует Богоявленский мужской монастырь. Религиозный ландшафт представлен также баптистской Троицкой церковью.

В Перми действует восемь мечетей²⁴. Мечети строятся: на вторую половину 2026 г. запланировано открытие большой Соборной мечети на бульваре Гагарина, д. 74а. Аргументированными стоит признать возражения противников строительства по поводу потенциальных проблем, связанных с тем, что верующие будут вынуждены перемещаться из центра города в микрорайон и обратно по единственному мосту, движение по которому регулярно затруднено.

Как развивался конфликт

В апреле 2024 г. благотворительный Фонд содействия строительству мечети имени Юнуса²⁵ (далее — Фонд) совместно с РДУМ Пермского края инициировал строительство мечети на территории микрорайона Верхняя Курья. Руководитель Фонда является собственником участка на ул. Верхне-Курьинской, 3, где и планируется построить культовое сооружение. Было анонсировано возведение двухэтажной мечети с двумя минаретами высотой 44 метра на 200 молящихся. Рядом планируется разместить здание медресе на 15 учеников и резиденцию на 12 посетителей, организовать парковку и сквер²⁶.

Против строительства выступила часть местных жителей, в мае 2024 г. в своем видеообращении к пермскому губернатору они попросили не допустить строительства мечети. 21 мая с жителями встретился глава Мотовилихинского района. Впоследствии в администрации Перми сообщили, что строительство мечети — это частная инициатива и администрация не может решить этот вопрос²⁷.

11 мая 2024 г. на платформе для подписания петиций Change.org была размещена петиция под названием «Защитим жителей русского поселка Верхняя Ку-

²⁴ Помимо дореволюционной исторической мечети на Монастырской, 67, в самом центре города работают храмы по адресам: ул. Ласьвинская, 90 (Закамск), ул. Бирская, 15 (Гайва), Проспект Декабристов, 69/1 (Балатово), ул. Яблочкова, 13 (Крохалевка), ул. Эпроновская, 15а (Центральный рынок), ул. Матросова, 1а (Кондратово), ул. Бульвар Гагарина, 74а (Мотовилиха).

²⁵ Благотворительный Фонд был создан 1 апреля 2024 г. Русланом Ибрагимовым, сыном пермского бизнесмена Ривхата Ибрагимова, под задачу строительства мечети.

²⁶ Сын пермского бизнесмена хочет построить мечеть в Верхней Курье // Коммерсантъ. 2025. 14 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6691587> (дата обращения: 04.04.2025).

²⁷ «Жителям пояснили, что это частная инициатива»: глава Мотовилихи встретился с верхнекурьинцами, выступившими против стройки мечети. URL: <https://59.ru/text/gorod/2024/05/23/73608812/> (дата обращения: 23.06.2026).

рья от строительства мечети». На 18 марта 2025 г. ее подписали 4 915 человек²⁸. Однако никакого значимого эффекта это не имело.

17 июля 2024 г. в микрорайоне состоялся согласованный с местными властями митинг против постройки мечети, в котором приняло участие (по разным оценкам) от 100 до 300 человек. На нем были озвучены основные аргументы противников и эмоциональные призывы объединяться²⁹.

16 декабря 2024 г., накануне прямой линии с главой государства, в Telegram-канале размещен пост с призывом массово обратиться к президенту России «с вопросом об угрозе, нависшей над нашим поселком». Пост с призывом стал вторым по популярности: количество реакций в поддержку «мне нравится» — 1 869. Коэффициент вовлеченности (различные реакции пользователей, ERpost) у данного поста самый высокий из всех публикаций — 52,6.

21 декабря 2024 г. в социальных сетях инициативной группой запущен цикл видеороликов «Лучшие люди Перми против мигрантской мечети в Верхней Курье». На YouTube-канале «Сокровенное-2» размещены поэтические обращения к единомышленникам с призывом объединяться во имя интересов русского народа.

1 февраля 2025 г. активистами была проведена акция «Снежные бабы за мечеть», в результате которой на организатора был составлен протокол о привлечении к административной ответственности по ст. 20.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях («Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Правоохранительные органы посчитали, что акция была направлена на демонстрацию нетерпимости к мусульманам и приезжим³⁰. Пост об акции набрал наибольшее количество реакций в поддержку, репостов и пр. (показатель ERpost — 106, 8%).

Пермский муфтий, председатель РДУМ Пермского края А. Аблаев поддержал проект, обосновал необходимость строительства мечети важностью работы по профилактике экстремизма среди мигрантов. Критикуя позицию местных жителей, он охарактеризовал этот конфликт яркими политическими нарративами: «Все это делается для того, чтобы спровоцировать межнациональный конфликт и, конечно, это выгодно недругам нашей страны»³¹. Сходную позицию в отношении «подстрекателей, которые пытаются обострить межнациональные отношения», занял и верхнекурьюнский Богоявленский мужской монастырь³².

²⁸ Петиция «Защитим жителей русского поселка Верхняя Курья от строительства мечети». URL: <https://tinyurl.com/yuj2b9cj> (дата обращения: 06.12.2025).

²⁹ Видео митинга размещено в VK Video, на 18.03.2025 — более 7 тыс. просмотров (URL: https://vk.com/video93589030_456239182 (дата обращения: 06.12.2025)).

³⁰ По состоянию на май 2026 г. административное преследование наиболее активных участников протеста прекратилось. Уголовному наказанию был подвергнут только местный журналист, который получил два года лишения свободы условно с испытательным сроком полтора года по делу о разжигании ненависти и вражды по национальному признаку. Он публично поддерживал верхнекурьюнцев, при этом он ранее получал условные сроки по сходным обвинениям.

³¹ Муфтий Пермского края прокомментировал конфликт вокруг строительства мечети в Верхней Курье // Islam News. 2024. 22 мая. URL: <https://islamnews.ru/2024/5/22/muftiy-permskogo-kрая-prokomentiroval-konflikt-vokrug-stroitelstva-mecheti-v-verkhney-kurye> (дата обращения: 06.12.2025).

³² Священнослужители призвали пермяков не поддаваться на призывы подстрекателей, которые пытаются обострить межнациональные отношения в городе // Эхо Перми. 2025. 18 июля. URL: <https://echoperm.ru/news/261/175660/> (дата обращения: 06.12.2025). Это было расценено активистами как «удар в спину», нанесенный «демонстративно набожными людьми», которые противопоставляются поддерживавшим протестующих местным татарам — «сознательным, разумным и честным гражданам Верхней Курьи» (пост от 13.12.2024).

Активисты-верхнекурьянцы неоднократно апеллировали к местной власти, начиная с муниципального уровня (обращаясь в администрацию Мотовилихинского района, администрацию города Перми, Общественную палату края), к местным православным лидерам, руководству Центрального Духовного управления мусульман России в Уфе, которому формально подчиняется местный муфтий, и заканчивая обращением к губернатору края и главе государства, но заметной поддержки не получили³³.

Как можно описать сторонников двух лагерей?

На одном полюсе — постоянно проживающие в микрорайоне русскоговорящие жители и местные татары, которые поддерживали антимечетские/антимигрантские акции и петиции. Их активисты обозначают как дружественных единомышленников³⁴.

На другом полюсе — два крупных пермских бизнесмена, имеющих большой политический вес, которые активно привлекают мигрантов на свои предприятия, находящиеся в различных районах Перми. Повторимся, что формальным инициатором проекта стал Руслан Ибрагимов, сын крупного пермского бизнесмена Ривхата Ибрагимова. По информации пермских журналистов, Ривхат Ибрагимов тесно связан деловыми и отчасти родственными узами с депутатом местной городской Думы Владимиром Плотниковым³⁵. Плотников и Ибрагимов уже в начале 2000-х годов входили в число наиболее богатых людей Прикамья и остаются таковыми по сей день³⁶.

Описание фреймов

Американские аналитики предлагают разделять антимечетские аргументации на две большие пересекающиеся категории: тезисы против развития конкретной территории (подразумевают сопротивление, исходящее из вопросов землепользования и зонирования, организации дорожного движения, безопасности пешеходов, шума и проблем, связанных с районом) и антимусульманские настроения (тезисы о том, что мечети могут служить убежищем для террористов, способствовать радикализации и пр.). В нашем случае мы предлагаем разбить основные интерпретации происходящего, формирующие антимигрантский и антимечетский дискурс, на три группы: аргументы против развития территории; антимигрантские тезисы; критика в отношении существующего социального порядка. Рассмотрим каждую группу тезисов.

³³ Посты от 29.12.2024 и 29.01.2025.

³⁴ Фридрихсон Н., Обищенко С. Все решили без них. Но они не остановились // Репортеры. 2026. 10 февраля. URL: <https://reporters.live/publication/vse-reshili-bez-nih-no-oni-ne-ostanovilis/> (дата обращения: 11.02.2026).

³⁵ Кому принадлежит Пермь. Авторитетный депутат Владимир Плотников. URL: https://properm.ru/news/2018-11-29/komu-prinadlezhit-perm-avtoritetnyy-deputat-vladimir-plotnikov-2727028?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 23.02.2026); По адресу пермской кондитерской «Кредо» учредили кофейню. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8058426> (дата обращения: 23.02.2026).

³⁶ От «темного пятна в биографии» до звания почетного гражданина: чем известен пермский депутат-миллионер Владимир Плотников. URL: <https://59.ru/text/politics/2026/05/15/76351271/> (дата обращения: 23.06.2026).

Аргументы против развития конкретной территории

Как и во многих сходных конфликтных ситуациях, жители Верхней Курьи опасаются, что после строительства мечети в микрорайоне резко вырастет трафик и еще больше усугубится проблема пробок. С учетом того, что район находится на противоположном от города берегу реки и связан с городом единственным мостом, этот тезис не выглядит невероятным. Кроме того, началось строительство еще двух новых районов многоэтажных домов, что также усилит нагрузку на инфраструктуру, однако это не вызвало заметной протестной реакции местных жителей.

Главной «болевым точкой», по мнению активистов, является сложившийся в последние десятилетия дефицит социальной инфраструктуры. В микрорайоне не имеется заметного числа мусульман, население преимущественно православное, поэтому мечеть не является, по мнению местных жителей, самым востребованным объектом³⁷.

Делается вывод, что маленький спокойный район потеряет свою привлекательность, усугубятся уже имеющиеся инфраструктурные проблемы.

Антимигрантские фреймы

Фраза «мигрантская мечеть» — одна из ключевых в риторике рассматриваемого Telegram-канала. Активисты, подчеркивая свое доброе отношение к проживающим в регионе несколько столетий³⁸ мусульманам-татарам и башкирам³⁹, высказывают уверенность, что новая мечеть будет служить исключительно интересам мигрантов. Первый пост в Telegram-канале от 26 ноября 2024 г. звучал так:

В начале мая, мы узнали, что в Верхней Курье собираются построить мечеть. Мы уважаем местных татар и башкир, дай Аллах им крепкое здоровье. Но здесь мечеть на-против православного храма. Нет. Нам не нужна мечеть раздора. Мы выступаем за все религии за все национальности. Но мигрантов здесь не будет⁴⁰.

Что так пугает жителей в факте постройки мечети для приезжих? Ни одно из выступлений и обращений местных активистов не обходилось без тезиса о грядущей криминализации обстановки в Верхней Курье. Широко тиражируемая СМИ новость, которая ставит в один ряд слова «мигрант» и «преступник» [Якимова, 2020], воплощается в аргументации курьинцев во всей полноте. Они считают, что с появлением мечети в район начнут регулярно приезжать мигранты, которые в до-

³⁷ «Здесь население только христианское»: жители Верхней Курьи выступили против строительства у них мечети // 59.ru. 2025. 14 мая. URL: <https://59.ru/text/gorod/2024/05/14/73545290/> (дата обращения: 06.12.2025).

³⁸ Разброс датировок первого появления татар на пермских землях значителен: от XIII до XVI века. В любом случае они воспринимаются как «свои» в противовес «пришельцам, чужакам» — уроженцам стран Центральной Азии, приезжающим в регион на заработки.

³⁹ Активисты утверждают, что духовные запросы мусульман из числа местных жителей вполне удовлетворяют восемь действующих в Перми мечетей и что город стал лидером по числу мечетей среди других российских городов (в так называемых немусульманских регионах) (пост от 29.01.2025).

⁴⁰ Пост от 26.11.2024. Та же мысль в публикации 29 января 2025 г.: «Совершенно очевидно, что широко развернувшееся пермское мечетестроительство направлено не на местных мусульман, а на растущую новую мигрантскую общину, и тогда мечети действительно можно ставить повсеместно».

статочной степени не знают российское законодательство и традиции⁴¹. Люди заявляют, что боятся соседства с мигрантами из-за грядущего всплеска преступности, нападения на женщин, детей. Страх и ощущение незащищенности еще более усиливаются, когда речь ведется о будущем детей, усугубляется фактом отсутствия в микрорайоне опорного пункта полиции.

В качестве аргументации приводится факт участия мигрантов в терактах, в частности в трагических событиях в «Крокус Сити Холле» в подмосковном Красногорске 22 марта 2024 г.

Таким образом, к антимигрантскому фрейму добавляется антимечетский аргумент — мечети рассматриваются как центры радикализации.

Анализ публичных форм обращения к широкой аудитории показывает, что антимигрантские заявления и аргументы часто строятся на противопоставлении образов «свой» — «чужой», «своя, русская, земля» — «захват земли». Симптоматично, что активисты опираются на широко распространенный в России фрейм противопоставления «своих» мусульман (исторически проживающих на пермской земле татар и башкир) и «чужих».

Закономерным итогом таких рассуждений становится призыв к властям и общественности поддержать коренное население, помочь верхнекурьинцам «отстаивать свою территорию, свое спокойствие»⁴².

Критика социального порядка

Основная претензия, которая выдвигалась на первом этапе, заключалась в том, что строительство мечети — частный проект в интересах конкретных лиц. Верхнекурьинцы же хотели бы, чтобы в микрорайоне построили новые культурно-образовательные, спортивные учреждения, которых здесь не хватает. В их ожиданиях — новая школа, детский сад, спортивные сооружения, места для досуга семей с детьми⁴³. Разочарование курьинцев усугубляется и тем, что они неоднократно выходили с инициативами строительства социальных объектов, но местные власти отвечали, что места нет⁴⁴.

Запрос на создание «третьего места», общественного пространства, культурно-образовательного учреждения в интересах всех жителей противостоит частному интересу отдельных собственников. Трудно не заметить в противостоянии и выраженную антиэлитную классовую составляющую.

Второй протестный аргумент внутри этого фрейма связан с непрозрачным изменением статуса земельного участка для мечети. Активисты распространяли информацию, в том числе используя для доказательства документы, о том, что земля перешла в руки новых собственников незаконно, причем в процессе участвовали выходцы из пермских криминальных кругов в связке с местными чиновниками.

⁴¹ «Здесь население только христианское»: жители Верхней Курьи выступили против строительства у них мечети // 59.ru. 2025. 14 мая. URL: <https://59.ru/text/gorod/2024/05/14/73545290/> (дата обращения: 06.12.2025).

⁴² Из выступления одного из участников митинга.

⁴³ «Здесь население только христианское»: жители Верхней Курьи выступили против строительства у них мечети // 59.ru. 2025. 14 мая. URL: <https://59.ru/text/gorod/2024/05/14/73545290/> (дата обращения: 06.12.2025).

⁴⁴ Пост от 13.12.2024.

Погружаясь в вопросы передачи земли под застройку, инициативная группа приходит к следующим умозаключениям:

В ходе собственных расследований мы выяснили, что участок под строительство был муниципальным, на нем в СССР располагался кинотеатр «Маяк». Станным образом участок перешел в частные руки. В администрации Мотовилихинского района жителям подтвердили, что с 14 по 17 мая должны будут проходить общественные обсуждения, и жители смогут поучаствовать в них. Большинство жителей не было в курсе происходящего. Непонятно, на каком основании эта земля в муниципальной собственности была переведена в частную собственность⁴⁵.

Отсюда делается вывод, что единственный, кому под силу остановить «принудительную исламизацию», как представляется верхнекурьинцам, — это глава государства, поэтому они неоднократно апеллируют к нему, особенно на начальном этапе своей деятельности.

Масштабирование угроз

Важно отметить, что в процессе развития конфликта, особенно в моменты обострения (к примеру, после проведения акции со снеговиками) масштаб осмысления и характер задаваемых активистами вопросов меняются. В Telegram-канале постепенно появляются материалы по регионам, которые, на взгляд местных жителей, сталкиваются с аналогичными проблемами. Произошел смысловой переход от собственного, локального, кейса к общероссийским и даже мировым реалиям, отражающим антимигрантскую, антимечетскую повестку. Страх за собственный микрорайон перерастает в тотальную боязнь за судьбу Урала и России в целом⁴⁶.

Постепенный рост широты и глубины обобщений, экстраполяция собственных проблем на масштаб всей страны необходимы для привлечения общественного внимания к локальной проблеме, а также нахождения единомышленников из других регионов. Вопрос строительства мечетей в регионах, где большинство составляют не мусульмане, резко политизируется и преподносится как часть символического и физического «народозамещения коренного населения РФ». Внутри этой мыслительной рамки воображается, что строительство мечетей — сугубо политическая попытка закрепить за собой определенную территорию. Политизируется и секьюритизируется все, что отражает религиозную идентичность, — ношение головных уборов, распространение пищевых, туристических, медицинских, финансовых стандартов халяль и пр.

Разрешение конфликта

29 января 2026 г. Управление ФСБ России по Пермскому краю направило в Министерство по управлению имуществом и градостроительной деятельности Пермского края обращение по вопросу строительства мечети⁴⁷. В тот же день ре-

⁴⁵ Пост от 13.12.2024.

⁴⁶ Петиция «Защитим жителей русского поселка Верхняя Курья от строительства мечети». URL: <https://tinyurl.com/yuj2b9cj> (дата обращения: 06.12.2025).

⁴⁷ Текст обращения имеет гриф «Для служебного пользования» и не опубликован.

гиональное Минимущество отменило собственное решение от 18 июня 2024 г. № 31-02-1-4-1629 «О предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка — „религиозное использование (3.7)“».

Сами активисты связали это решение с широкой общественной оглаской и собственной активностью в онлайн- и офлайн-пространствах, особо отметив значение собственного Telegram-канала⁴⁸. Это уже как минимум второй случай в новейшей истории Перми⁴⁹, когда протесты «снизу» смогли повлиять на процесс строительства мечети.

Заключение

Еще в 2010 г. в своей программной статье «Ислам в России: религия и политика» А. В. Малащенко обращал внимание на проблемы формирования мусульманских пространств и предупреждал об опасности их обособления. Не ссылаясь на модные сегодня подходы деколонизации и концепции агентности мусульман, он тем не менее чутко уловил тенденции постановки вопроса «мусульманской субъектности» мусульманскими интеллектуалами и священнослужителями, «под которой они подразумевают религиозное самосознание мусульман, их самообразование, самовоспитание» [Малащенко, 2010]. Мусульманская субъектность вызревает параллельно с другими — православной, буддийской, иудейской и т. д. Возникает ситуация, когда стремление обрести религиозную субъектность представителей одной религии неминуемо ведет к самоизоляции и вызывает ответную аналогичную реакцию со стороны представителей иных религий. Постсекулярная ситуация множественности акторов в публичном пространстве приводит к напряженности, причем выходящей далеко за рамки исключительно религиозных дискурсов.

Предпринятый нами фрейм-анализ антимигрантских и антимечетских нарративов, распространяемых пермяками в медиапространстве и через квазиполитические акции прямого действия, позволил выделить несколько линий раскола. Связующая идея для риторики противников строительства мечети — необходимость сохранения «русскости» и «православности» России путем ее «очищения» от «пришлого», мигрантского элемента. Мечети, которые строятся для растущих за счет мигрантов мусульманских общин, представляются сторонниками этого дискурса символами радикализации, наступления и вытеснения коренного населения с родной земли. Обсуждение данного кейса выявляет процессы, стимулирующие межконфессиональную и межэтническую напряженность: нарушение этноконфессионального баланса в российском обществе, возникновение новых мигрантских анклавов, которые представляются очагами радикализации и распространения терроризма; разделение мусульман, проживающих в стране, на «своих» коренных (хороших, «русских» мусульман) и «чужаков», прибывающих из-за рубежа.

Этот и подобные ему кейсы вполне похожи на описанные в зарубежных исследованиях логики антимигрантских и антимечетских публичных выступлений. Мы

⁴⁸ Фридрихсон Н. По ком звучал азан в Пермском крае // Репортеры. 2026. 9 февраля. URL: <https://reporters.live/publication/по-ком-звучал-azan-v-permskom-krae> (дата обращения: 10.02.2026); Фридрихсон Н., Обищенко С. Все решили без них. Но они не остановились // Репортеры. 2026. 10 февраля. URL: <https://reporters.live/publication/vse-reshili-bez-nih-no-oni-ne-ostanovilis/> (дата обращения: 11.02.2026).

⁴⁹ Первый случай имел место в 2014 г., когда местные жители добились отмены строительства мечети у Центрального рынка.

также наблюдаем аргументы в духе секьюритизации против развития территории и широкий набор весьма типичных антимигрантских тезисов.

Мустафа Камаль Паша обращает внимание на объяснительный потенциал постсекулярной теории для решения, казалось бы, неустрашимых конфликтов с мусульманским «другим». Именно «невыгодное положение ислама, выражающееся в искажении его послания и дискриминации его последователей, делает постсекулярность потенциальным источником для создания нового культурного кода инклюзии» [Pasha, 2017: 57]. Однако существующие теоретические попытки сформулировать новые принципы инклюзивности парадоксальным образом сохраняют и укрепляют прежние культурные иерархии, как мы отмечали в начале работы. Эти иерархии оказываются встроенными в сами механизмы межкультурного перевода и диалога, что подрывает эмансипаторный потенциал постсекулярного проекта.

В этом контексте эвристическая ценность постсекулярной перспективы раскрывается полностью лишь тогда, когда исследователи и практики постсекулярного диалога готовы признать двойную сложность: с одной стороны, ограниченность любых рационалистических схем, а с другой — принципиальную множественность способов, которыми различные традиции пытаются согласовать противоречивые требования земного и надмирного, посюстороннего и потустороннего. Это признание плюрализма ведет к более нюансированному и уважительному межкультурному взаимодействию.

Современный постсекулярный дискурс обнаруживает свои фундаментальные ограничения через призму взаимодействия с исламской традицией. Проблема-тичность постсекулярной парадигмы проявляется не столько через установление жестких параметров для легитимации религиозного дискурса и соответствующих форм субъективности в публичном пространстве, сколько через механизмы конструирования исламской идентичности как принципиально «другого».

Список литературы (References)

1. Замараева Ю. С., Антипина А. В., Павлова К. В., Юсупов А. М. К вопросу об отношении к исламу в современном обществе (на материале исследований в городе Красноярске) // Социодинамика. 2016. № 2. С. 163—174. <https://doi.org/10.7256/2409-7144.2016.2.17663>.
Zamaraeva Yu. S., Antipina A. V., Pavlova K. V., Yusupov A. M. (2016) On the Attitude Toward Islam in Modern Society (Based on Research in Krasnoyarsk). *Sociodynamics*. No. 2. P. 163—174. <https://doi.org/10.7256/2409-7144.2016.2.17663>. (In Russ.)
2. Малахов В., Летняков Д. Ислам в восприятии российского общества: сравнительно-политический аспект // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 2. С. 248—271. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-248-271>.
Malakhov V., Letnyakov D. (2018) Islam in the Perception of Russian Society: A Comparative Political Aspect. *State, Religion, and Church in Russia and Worldwide*. Vol. 36. No. 2. P. 248—271. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-248-271>. (In Russ.)

3. Малашенко А. В. Ислам в России: религия и политика // Исламоведение. 2010. № 3. С. 67—85.
Malashenko A. V. (2010) Islam in Russia: Religion and Politics. *Islamic Studies*. No. 3. P. 67—85. (In Russ.)
4. Мартыненко А. В., Кечина М. А. Образ ислама в советских и постсоветских масс-медиа: историкокультурный анализ. Гуманитарные науки и образование. 2023. Т. 14. № 1. С. 114—118.
Martynenko A. V., Kechina M. A. (2023) The Image of Islam in Soviet and Post-Soviet Mass Media: A Historical and Cultural Analysis. *Humanities and Education*. Vol. 14. No. 1. P. 114—118. (In Russ.)
5. Рагозина С. А. Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 2. С. 272—299.
Ragozina S. A. (2018) Defending “Traditional” Islam from “Radical” Islam: The Discourse of Islamophobia in Russian Media. *State, Religion, and Church in Russia and Worldwide*. Vol. 36. No. 2. P. 272—299. (In Russ.)
6. Рагозина С. А. Фобия исламофобии как основа «критических мусульманских исследований». Как идеология превратилась в методологию изучения мусульманских сообществ на Западе // Islamology. 2020. № 2. С. 19—34. <https://doi.org/10.24848/islmglg.10.2.02>.
Ragozina S. A. (2020) “The Phobia of Islamophobia as the Basis of “Critical Muslim Studies”. How Ideology Became a Methodology for Studying Muslim Communities in the West.” *Islamology*. No. 2. P. 19—34. <https://doi.org/10.24848/islmglg.10.2.02>. (In Russ.)
7. Рагозина С. А. Политический образ ислама (на материале центральных российских печатных СМИ, 2010—2017). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М.: Институт философии, 2019. <https://iphras.ru/page18760951.htm>
Ragozina S. A. (2019) The Political Image of Islam (based on materials from central Russian print media, 2010—2017). Dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences. Moscow: Institute of Philosophy. <https://iphras.ru/page18760951.htm>. (In Russ.)
8. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Информационно-аналитический центр «Сова»^{*50}, 2009.
Radical Russian Nationalism: Structures, Ideas, and Faces. (2009) Moscow: Sova Information and Analysis Center. (In Russ.)
9. Русский национализм: идеология и настроение. М.: Информационно-аналитический центр «Сова»^{*}, 2006.
Russian Nationalism: Ideology and Mood. (2006) Moscow: Sova Information and Analysis Center.

⁵⁰ Здесь и далее: * Региональная общественная организация содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр „Сова“» 30.12.2016 внесен в реестр иностранных агентов.

10. Степанянц М. Т. На пути преодоления стереотипов (факторы провокации исламофобии) // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2019. Т. 15. № 2. С. 121—134. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2019-15-2-121-134>.
Stepanyants M. T. (2019) Overcoming Stereotypes (Factors Provoking Islamophobia). *Islam in the Modern World: Domestic and International Political Aspects*. Vol. 15. No. 2. P. 121—134. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2019-15-2-121-134>. (In Russ.)
11. Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017.
Taylor C. (2017) *The Secular Age*. Moscow: BBI. (In Russ.)
12. Тынышбаев Т. М. Стереотипы в СМИ как основа бытования типажа «мусульманин» в русском языковом сознании (на материале портала Lenta.ru) // МНСК-2020: Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 10—13 апреля 2020 года. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. С. 78—79.
Tynyshbaev T. M. (2020) Mass Media Stereotypes as the Basis for the Existence of the «Muslim» Character Type in Russian Linguistic Consciousness» (based on materials from the Lenta.ru portal). In: *MNSK-2020: Proceedings of the 58th International Scientific Student Conference, Novosibirsk, April 10—13, 2020*. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University. P. 78—79. (In Russ.)
13. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь Мир, 2016.
Habermas J. (2016) *Structural Change in the Public Sphere: Research on the Category of Bourgeois Society*. Moscow: Ves Mir Publishing House.
14. Якимова О. А. Репрезентация мигрантов в российских массмедиа и ее динамика (2010—2020 гг.) // Siberian Socium. 2020. Т. 4. № 4. С. 22—40. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40>.
Iakimova O. A. (2020) Representation of Migrants in the Russian Mass Media and Its Dynamics (2010—2020). *Siberian Socium*. Vol. 4. No. 4. P. 22—40. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40>. (In Russ.)
15. Abashin S. (2014) Migration from Central Asia to Russia in the New Model of World Order. *Russian Politics and Law*. Vol. 52. No. 6. P. 8—23.
16. Asad T. (1999) Religion, Nation-State, Secularism. In: van der Veer P., Lehmann H. (eds.) *Nation and Religion. Perspectives on Europe and Asia*. Princeton: Princeton University Press. P. 178—196.
17. Berger P. (1999) The Desecularization of the World: A Global Overview. In P. L. Berger (eds.) *The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics*. Washington: Wm. B. Eerdmans Publishing Co. P. 1—18.
18. Dannreuther R. (2010) Russian Discourses and Approaches to Islam and Islamism. In: R. Dannreuther, L. March (eds.) *Russia and Islam: State, Society and Radicalism*. New York: Routledge. P. 9—25.

19. Fadil N., Fernando M. (2015) Rediscovering the “Everyday” Muslim: Notes on an Anthropological Divide. *Hau: Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 5. No. 2. P. 59—88. <https://dx.doi.org/10.14318/hau5.2.005>.
20. Kovalskaya K. (2017) Nationalism and Religion in the Discourse of Russia's ‘Critical Experts of Islam. *Islam and Christian — Muslim Relations*. Vol. 28. No. 2. P. 141—161. <https://doi.org/10.1080/09596410.2017.1284971>.
21. Laruelle M., Schmoller J. (2021) Introduction. In: M. Laruelle, J. Schmoller (eds.) *Cultures of Islam: Vernacular Traditions and Revisionist Interpretations across Russia*. Washington, DC: The George Washington University, Central Asia Program. P. 5—8.
22. Malji A. (2021) People Don't Want a Mosque Here: Destruction of Minority Religious Sites as a Strategy of Nationalism. *Journal of Religion and Violence*. Vol. 9. No. 1. P. 1—19. <https://doi.org/10.5840/jrv202142086>.
23. Pasha M. K. (2017) *Islam and International Relations: Fractured Worlds*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315627786>.
24. Schmoller J., Laruelle M. (2025) What Does the Mufti Say? Internal and Public Debates about Islam in Russia. *Problems of Post-Communism*. Vol. 72. No. 2. P. 113—118. <https://doi.org/10.1080/10758216.2025.2465079>.
25. Sunier Th. (2005) Constructing Islam: Places of Worship and the Politics of Space in The Netherlands. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 13. No. 3. P. 317—334.
26. Sunier Th. (2014) Domesticating Islam: Exploring Academic Knowledge Production on Islam and Muslims in European Societies. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 37. No. 6. P. 1138—1155.
27. Tuna M. (2020) Anti-Muslim Fear Narrative and the Ban on Said Nursi's Works as “Extremist Literature” in Russia. *Slavic Review*. Vol. 79. No. 1. P. 28—50. <https://doi.org/10.1017/slr.2020.8>.
28. Verkhovski A. (2006) Religion et «idée nationale» dans la Russie de Poutine. *Les Cahiers Russie — The Russia Papers*. No. 3.
29. Yates E. A., Mahmood A. (2022) Countering Anti-muslim Opposition to Mosque and Islamic Center Construction and Expansion: Recommendations for Mosque Leaders, Policymakers, Interfaith and Community Allies, and More. *Institute for Social Policy and Understanding*. <https://ispu.org/mosque-opposition> (accessed: 06.12.2025).